

А

Е. П. Оболенский

Мое изгнание в Сибирь

И дум высокое стремление... / Сост. Н. А. Арзуманова; примечания И. А. Мироновой.-- М., "Советская Россия", 1980 (Библиотека русской художественной публицистики)

[OCR Бычков М. Н.](#)

21-го июля. 1826 года, вечером, мне принесли в мой номер Кронверкской куртины серую куртку и такие же панталоны из самого грубого солдатского сукна и возвестили, что мы должны готовиться к отправлению в путь. Накануне этого дня я имел свидание с младшими братьями-пажами и, простившись с ними, просил их прислать мне необходимое платье и белье. Они исполнили мое желание: вероятно, нашли готовый сюртук с брюками и вместе с бельем уложили в небольшой чемодан и отправили ко мне; все это я получил и, удивляясь новому наряду, который мне принесли, спросил у плац-майора: "Зачем же мне послали партикулярное платье, если хотят, чтобы я носил серую куртку?" Ответ мне был, что это отдается на мою волю, и что я могу воспользоваться казенным платьем, если этого сам пожелаю. Но так как мне приказано было приготовиться к дороге, то я, пораздумав, что у меня не было ни одной копейки в кармане, и что в дальней стороне и в дальнюю дорогу единственный мой сюртук потерпит совершенное истребление, я решился надеть казенную амуницию, которая хотя на вид не хороша, но весьма была покойна по ширине ее размеров, и стал дожидаться времени отправления. Вскоре после полуночи меня повели в Комендантский дом: взойдя в комнату, вижу Александра Ивановича Якубовича, в таком же наряде, как и я.-- Вслед за ним вошел Артамон Захарович Муравьев -- бывший командир Ахтырского гусарского полка, и Василий Львович Давыдов, отставной лейб-гусар. Артамон Захарович был одет щегольски; в длинном сюртуке -- и со всем изяществом, которое доставляет искусство портного, щедро награжденного. Его добрая жена, Вера Алексеевна, заботилась о нем. Василия Львовича я увидел тогда в первый раз; не велик ростом, но довольно тучный, с глазами живыми и выразительными; в саркастической его улыбке заметно было и направление его ума, и вместе с тем некоторое добродушие, которое невольно располагало к нему тех, кто ближе с ним был знаком. На Василии Львовиче был надет фрак Буту, первого портного; остальной наряд соответствовал изящной отделке лучшего портного. Мы молча пожали друг другу руки. Якубович не мог удержаться от восклицания, когда увидел меня с отросшей бородой и в странном моем наряде. "Ну! Оболенский! -- сказал он, подводя меня к зеркалу: "если я похож на Стеньку Разина, то неминуемо ты должен быть похож на Ваньку Каина". Вскоре дверь распахнулась, и комендант крепости, генерал-от-инфантерии Сукин громко сказал: "по высочайшему повелению, вас велено отправить в Сибирь закованными". Выслушав повеление, я обратился к нему и сказал, что, не имея при себе ни одной копейки денег, я прошу его об одной милости, чтобы мне возвратили золотые часы, довольно ценные, которые были у меня отобраны, когда привезли в крепость. Выслушав меня, генерал приказал плац-адъютанту Трусову немедленно принести мои часы и возвратить мне. Это было исполнено; вскоре потом принесли ножные цепи; нас заковали, сдали фельдгерю Седову при четырех жандармах, и мы вышли, чтобы отправиться в дальний путь. Провожая нас, крепостной плац-майор, Егор Михайлович Подушкин, подходит ко мне и таинственно пожимает мне руку; я отвечал пожатием -- и тут слышу едва внятный его шопот: возьмите, это от вашего брата. Тут я чувствую, что в руке моей деньги -- молча пожал я ему руку -- и внутренне благодарил Бога за неожиданную помощь. У подъезда стояли четыре тройки; на одну из них меня посадили; невольное грустное чувство обнимало душу. Вдруг вижу, -- на мою телегу вскочил Козлов, адъютант военного министра Татищева, посланный им, чтобы быть свидетелем нашего отправления; мы с ним мало были знакомы. Он обласкал меня, как брат родной, и слезы, потоком лиясь из его глаз, свидетельствовали о глубоком чувстве, коим он был проникнут; отрадно мне было видеть сочувствие в таком человеке, с которым я едва был знаком. Тройки помчали нас с рассветом дня через Петербург в Шлиссельбургскую заставу, и мы остановились для перемены лошадей на первой станции, где нас ожидала жена Артамона Захаровича Муравьева для последнего прощания с мужем. Не более часа пробыли они вместе; лошадей переменили, и скоро мы миновали Новую Ладогу и с обычной быстротой ехали все далее и далее. Путевые впечатления совершенно изгладились из моей памяти; быстрая и беспокойная езда, новость положения, все вместе не позволяло обращать внимания на внешние предметы. Мы останавливались в гостиницах; Артамон Захарович был общим казначеем и щедро платил за наше угощение; посторонних лиц до нас не допускали; наша отрада состояла в беседе друг с другом. Из путевых впечатлений наиболее в памяти